

Единым сердцем и едиными усты

**I МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД РЕГЕНТОВ И ПЕВЧИХ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Дмитрий Анохин

В подготовительных документах форум обозначался первым порядковым номером. Это не совсем так, поскольку предыдущее аналогичное мероприятие состоялось 99 лет назад, еще до Октябрьской революции. Впоследствии порядковое числительное из официального названия нынешнего съезда исчезло. Конечно, никто из участников заседаний, мастер-классов, круглых столов и увенчавшей их Божественной литургии в день памяти святителя Московского Филарета, которую возглавил в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя Святейший Патриарх Кирилл, по вполне понятным причинам свидетелем предыдущего съезда быть не мог. Однако прошедшее с 30 ноября по 2 декабря собрание церковных музыкантов явилось продолжением событий столетней давности.

Съезд был организован по инициативе снизу — регентами, церковными композиторами и певчими, создавшими оргкомитет и выполнившими львиную долю подготовительной работы. А как справедливо заметил в перво-святытельском слове возглавивший работу пленарного заседания Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (см. с. 18), идущие снизу инициативы выражают реальные людские потребности. И проанализировать услышанное на съезде чрезвычайно интересно именно в таком ракурсе.

В одобренном делегатами проекте резолюции признано целесообразным в будущем проводить подобные собрания не реже, чем раз в три года, и каждое из них посвящать в основном какому-нибудь определенному вопросу клиросного служения. Тематика первого съезда сложилась сама собой: в большинстве докладов гово-

рилось о церковно-певческом образовании.

Бакалавры пишем, магистры в уме

Это понятно и логично. Новым епархиям, храмам-новостройкам и их общинам необходимо — причем не в каком-то отдаленном будущем, а буквально завтра — большое количество хорошо подготовленных церковных музыкантов.

Направление образовательной теме на съезде с самого начала первого заседания задал ректор Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА) архиепископ Петергофский Амвросий. Он рассказал, что история преподавания регентского дела в возглавляемом им вузе насчитывает уже 37 лет. Среди 611 выпускников отделения — восемь священников, пять игумений, 17 монашествующих.

Особенности переходного периода Санкт-Петербургской академии, выступившей флагманом внедрения четырехлетней бакалаврской программы подготовки регентов в рамках новообразованного факультета церковных искусств, подробно раскрыла в своем выступлении преподаватель СПбДА, регент Николо-Богоявленского морского собора Раиса Гундяева.

Новизна здесь в том, что прежде все выпускавшиеся в духовных школах регенты получали лишь среднее образование. Понятно, что светские музыкальные вузы регентскую специфику не «поднимали» (в самые последние годы ситуация начала меняться, о чем несколько слов ниже). Благодаря общему движению Церкви и огромному миссионерскому потенциалу богослужебного пения управление клиросом специалистами высокого уровня сегодня чрезвычай-

Мастер-классы проводят: протоиерей
Димитрий Болгарский (слева),
Антон Максимов (справа)

но востребованно. Однако средние профессиональные учебные заведения обеспечить такой уровень подготовки по определению не способны. Ранее из положения — особенно на крупных приходах, позволявших себе содержать большие хоры — выходили так: приглашали музыкантов с высшим светским образованием и вверяли клирос им. Но подобное решение, мягко говоря, нельзя назвать идеальным. У регента, ставящего на первое место музыкально-исполнительские особенности богослужебного репертуара, певчие будут рассматривать свое служение как набор концертных номеров. А значит, и все попытки решить сформулированные уже на новом этапе церковного развития задачи пойдут насмарку...

Разумеется, перевод регентского образования на вузовские рельсы, тем более на ходу, потребовал от преподавателей СПбДА новаторского, в чем-то даже революционного мышления. Прежде всего, по словам Раисы Гундяевой, серьезные изменения коснулись учебных планов. Принимают по регентской специальности

Сводным коллективом делегатов управляет дирижер Синодального хора Алексей Пузаков

в академию исключительно лиц как минимум со средним профессиональным образованием. Обязательно для студентов чтение хоровых партитур с листа, в программу вокального ансамбля теперь входит классическое сольфеджио. Студенты изучают музыкальную церковную литературу, западноевропейскую музыкальную литературу, нравственное и догматическое богословие.

Серьезные изменения коснулись квалификационно-аттестационных требований для выпускников. Сам выпускной экзамен для будущих регентов в СПбДА теперь состоит из двух частей: концертно-дирижерской (управление женским или смешанным хором при исполнении музыкального сочинения актуального для современных клиросов репертуара) и защиты квалификационной пись-

менной работы, в которой рассматривается конкретное церковно-певческое произведение.

Традиционные профильные предметы — Церковный устав и хоровое дирижирование — изучаются на протяжении всех восьми семестров, но, по признанию самой Раисы Геннадьевны, этого недостаточно. Поэтому необходимо внедрять хотя бы в ограниченном объеме, магистерские регентские программы. Для духовных школ это, конечно, пока что завтрашний день развития. Но вот светские гуманитарные вузы, в образовательной программе которых присутствуют музыкальные направления, вполне могли бы себе позволить подобный эксперимент! О похожей попытке во второй день съезда упомянула профессор Адыгейского государственного университета, доктор искусствоведения Светлана Хватова. В ее вузе, правда, специальный предмет «управление хором на церковном клиросе» был введен для будущих хоровых дирижеров в рамках специалитета. С переходом же на бакалавриат в учебные планы

Ведущие мастер-классов — Антон Максимов,
протоиерей Димитрий Болгарский и протодиакон Александр Кедров

он вписываться перестал и теперь вынужденно понизил свой статус до факультатива.

Конечно, представители государственных образовательных органов вправе высказать традиционное опасение: а окажутся ли востребованны регенты-выпускники с государственным дипломом, не начнут ли через два-три года в массовом порядке переучиваться на юристов или экономистов? Приведенная деканом факультета церковного пения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиереем Алексием Емельяновым статистика не оставила места сомнениям. Из 206 специалистов-клирошан, выпущенных ПСТГУ за 20 лет (кстати, с тем самым государственным дипломом), в профессии остались 95%, при этом в настоящий момент на клиросах заняты две трети (остальные находятся в отпуске по уходу за ребенком).

Училища, приходы, школы

Но, конечно, ограничивать подготовку кадров для клироса высшей школой неправильно. Другое дело, в училищах тоже пора переходить на современные образовательные стан-

дарты. О пройденном в этом направлении пути поведала проректор по учебно-воспитательной работе Смоленского православного духовного училища Ольга Маковцова. За основу учебных планов здесь шесть лет назад взяли государственную специальность 53.02.06 «хоровое дирижирование». Регентов в Смоленске теперь готовят в течение тех же четырех лет — только принимать сюда начинают после девятого класса средней школы. Причем, по признанию самой Ольги Михайловны, среди абитуриентов — не редкость люди вообще без всякой музыкальной подготовки. Тем не менее трудоустраиваются абсолютно все выпускники — как на клиросы, так и в светские хоровые коллективы либо педагогами в школы и в детские сады. «Но вообще незрело признание Министерством культуры отдельной специальности «дирижер церковного хора», о чем обязательно следует упомянуть в готовящейся сейчас общецерковной Концепции регентско-певческого образования», — считает Маковцова.

Три крайне интересных выступления педагогов столичного региона прозвучали на заседании, посвящен-

ном детскому образованию. Руководитель вокально-хорового ансамбля «Благовещение» при одноименном храме в Федосьине (район Ново-Переделкино, Москва) кандидат педагогических наук Анна Стрельцова поделилась опытом организации приходского детского хора. Завуч церковной музыкальной школы при красногорском Успенском храме Надежда Зинина рассказала о насчитывающей четверть века истории своего учебного заведения, в состав которого сейчас входят дошкольное, младшее, среднее и старшее отделения, а также концертный Ушаковский хор мальчиков и юношей. Среди выпускников — семь лиц в священном сане, трое монашествующих и ректор Коломенской духовной семинарии епископ Зарайский Константин. Собственным фирменным знаком красногорцев стало раздельное обучение.

«Мы пришли к этому не сразу, — рассказывает Надежда Валентиновна. — Но со временем поняли, что другого пути нет. Девочки развиваются быстрее, интенсивнее схватывают материал. Мальчиков нельзя сразу погружать в тему занятия, им требуется раскочка. Девочки включаются в работу сразу, но быстрее устают. Мальчики любят частую смену произведений, им по душе элемент соревновательности. Девочки осваивают материал плавно, легко откликаются на содержащиеся в музыке душевные переживания...

Таких различий завуч назвала около десятка. А с годами раздельный формат обучения вызвал к жизни еще один бренд этого учебного заведения — Ушаковский хор, у которого сразу два небесных покровителя (святой праведный воин Феодор Ушаков и преподобный Феодор Санаксарский). Его участники (мальчики со второго по седьмой класс) в обязательном порядке изучают строевую подготовку и морское дело. Каждое

Диаграмма 1. Проблемы организации богослужебного пения в зависимости от страны

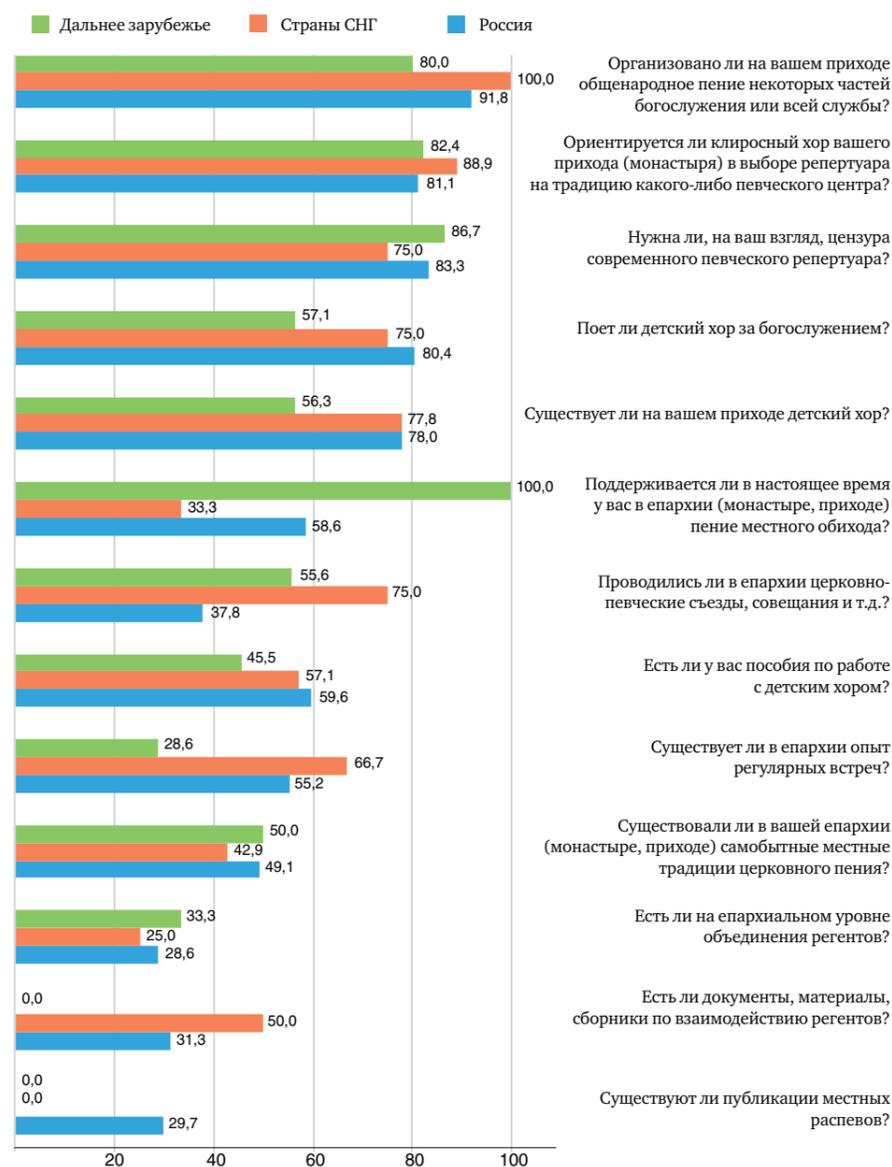

Диаграмма 2. Нужна ли, на ваш взгляд, цензура современного певческого репертуара?

Выступление Предстоятеля Русской Православной Церкви вызвало живой интерес

занятие у них начинается с рапорта старшины хора руководителю, а за дисциплинарные проступки может последовать наказание в виде выговора или лишения права ношения формы.

Как и красногорская, Школа духовного пения при университетском храме Мученицы Татианы (Москва) целиком финансируется за приходской счет. Дирижер концертного хора последней, преподаватель Хорового училища им. А.В. Свешникова Сергей Маркелов в рамках открытого урока продемонстрировал преимущество системного изучения обиходных глав школьниками, в отличие от принципа «делай, как я», которым обычно руководствуются ученики в клиросной практике (и который приводит к тому, что певчий, воспитанный таким образом, за другим лидером в глас встроится безошибочно, но вот самостоятельно запеть, скорее всего, не сможет).

О мастер-классах стоит сказать отдельно. Их вместе с упомянутыми открытыми уроками оказалось много, но далеко не все из них соответствовали заданной докладчиками высокой планке. Так, преподаватель Московской духовной академии протоиерей Владимир Янгичер со студентами третьего курса регентской школы продемонстрировал методику

преподавания читка как жестового языка управления церковным хором. Преподаватель Киевских духовных школ протоиерей Димитрий Болгарский со своим экспрессивным мастер-классом, в ходе которого разучивался Задостойник Успению Божией Матери киево-печерского распева, сорвал аплодисменты. По замыслу организаторов, отец Димитрий работал с приглашенным (довольно большим) смешанным хором, делегаты же в зале оказались в роли сторонних наблюдателей. Методические наработки дирижера весьма полезны. Но, положив руку на сердце, часто ли на праздник Успения в храме поет хор из сорока голосов, возможности которого полностью позволяют реализовать полифонический замысел регента?

На следующий день регент кафедрального собора Святого Александра Невского в Париже протоиерей Александр Кедров публично поработал всё с тем же приглашенным хором. Затем спеть под управление отца протоиерей получили возможность и все участники съезда.

Цензура или хороший вкус?

К сожалению, среди четырнадцати докладчиков не оказалось ни одного

певчего, и эта группа участников ограничилась ролью слушателей. Всего на съезде было 196 делегатов из 90 епархий. Значительная часть гостей прибыла из-за рубежа. Кроме участников с Украины на трибуну поднимались гости из Франции, Румынии, Австрии и Польши (причем они представляли как русскую диаспору, так и братские Поместные Церкви). Регент венского Никольского кафедрального собора Татьяна Шерба поделилась с собравшимися ценнейшим опытом организации хора на приходе, объединяющем людей самых разных социальных слоев, родов деятельности и национальностей, причем при отсутствии больших ресурсов на оплату певчих, нестабильности состава и однообразии репертуара.

Что же касается оргподготовки, она была проведена на достойном уровне. Вместе с приглашениями на места за благовременно ушла довольно объемная анкета с вопросами об актуальных проблемах современного церковного пения. Ответы на нее легли в основу исследования, предпринятого сотрудниками социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова при поддержке независимой исследовательской службы «Среда». Полученный массив данных весьма ценен, ведь пре-

ДЕЛЕГАТЫ СЪЕЗДА ОТВЕЧАЮТ НА ВОПРОСЫ ЖМП

❶ *Что из прозвучавшего на съезде вам больше всего понравилось, какое выступление сильнее всего запало в душу?*

❷ *Чего, наоборот, не хватило? Какую из незатронутых тем хотелось бы обсудить в первую очередь?*

Протоиерей Димитрий Болгарский, преподаватель Киевских духовных школ

❶ Главная из целей достигнута: это наше духовное общение, обсуждение специфики церковного пения как искусства молитвы. Музыка должна помогать молиться. Во время пения за богослужением, человек задумывается над важнейшими духовными вопросами — бытия мира, смысла человеческой жизни. Мы прежде всего открываем в себе тайну встречи и общения с Богом.

❷ В Москве есть потрясающие регентские кадры, участие которых украсило бы наш съезд. Жаль, не со всеми удалось встретиться и пообщаться.

Андрей Боублей, регент хора духовенства Люблинско-Холмской епархии, пресс-секретарь архиепископа Люблинского и Холмского Авея

❶ Богослужебная жизнь в Польской Православной Церкви протекает в русской традиции. Поэтому лично для меня чрезвычайно важно было услышать отношение коллег из России к литургичности пения, к тому, чтобы наши богослужения не превращались в концерты.

❷ С огромным интересом я бы обсудил вопросы организации небольших хоров на малых, только что возникших приходах. В Польше эта тема сегодня чрезвычайно актуальна.

Михаил Ващенко, регент Князь-Владимирского собора в Санкт-Петербурге

❶ Самое главное — то, что этот съезд наконец-то состоялся. Ведь в течение долгих десятилетий мы, «старая гвардия», даже и подумать не могли, что это станет возможным. Все доклады неплохие, и я выслушал их с огромным вниманием.

❷ Хотелось бы услышать более четкую позицию священноначалия о следующих подобных съездах, о продолжении этой работы. Впрочем, убежден: поскольку наш съезд возглавил Святейший Патриарх Кирилл, стоявший в северной столице у истоков возрождения регент-

ского образования, всё будет организовано как должно и состоится в положенный срок.

Галия Конева, регент ангарского Свято-Троицкого кафедрального собора (Иркутская епархия)

❶ Восхищена как общим масштабом и организацией всего мероприятия, так и высочайшим уровнем докладов. Самой интересной мне показалась тема детского обучения церковному пению: это именно то, чем я уже не один год занимаюсь на нашем приходе.

❷ Жаль, что ничего не было сказано про внедрение в современную клиросную практику древних распевов, в частности знаменного.

жде подобных полевых исследований социологами не проводилось вообще.

При беглом анализе результатов исследования в глаза бросается прежде всего резкое различие в том, как регенты России, ближнего и дальнего зарубежья относятся к актуальным задачам (см. диаграмму 1). Можно даже вычленив вопросы, в отношении которых ответы представителей хотя бы двух из трех названных выборок оказались различными. В первую очередь это такая важная составная часть клиросной практики, как исполнение местного обихода. Если в дальнем зарубежье его поддерживают абсолютно все опрошенные, то в ближнем — всего треть (Россия с 58,6% занимает промежуточное положение). Непростой выглядит ситуация с публикацией местных распевов: всего 29,7% в России и полное отсутствие подобных изданий за границей, где, видимо, вынуждены передавать слышимое наследие Церкви буквально «из уст в уста» либо записанным от руки в нотные тетради.

Большую солидарность опрошенные продемонстрировали в вопросе о цензуровании современного певческого репертуара: в его пользу высказываются четыре из каждых пяти участников (см. диаграмму 2). В отчете об исследовании цитируются некоторые анкеты: «Современные авторские произведения имеют право на исполнение по согласованию регента с духовенством»; «Зачастую выбранные песнопения не соответствуют исполнительскому уровню и профессиональным возможностям певчих»; «Певческие церковные произведения неизвестных новейших современных авторов как минимум должны быть одобрены настоятелем прихода».

Возникает резонный вопрос: а что мешает руководствоваться в повседневной работе указанными принципами сейчас? Автору этих строк — певчому с 23-летним стажем — крайне

трудно представить себе ситуацию, при которой регент на клиросе не только не согласовывал бы с настоятелем общий репертуарный подход, но и действовал бы тому наперекор. Да и нет сегодня цензуры в ее классическом дореволюционном виде. Возрождать ее — значит как минимум создавать новую управленческую структуру. Не исключено, в разговорах о цензуре подспудно проявляется желание снабдить нотные издания церковно-певческого репертуара системой внутриотраслевого грифования — подобно существующей в Издательском совете и в Синодальном отделе по религиозному образованию и катехизации. Но это едва ли целесообразно.

Возможно, круг обозначенных вопросов по силам решить постоянно действующему органу по организации церковно-певческих съездов, благословить создание которого делегаты попросили Святейшего Патриарха Кирилла. Во всяком случае это «здание на завтра», тем более тема для разговора действительно есть.

Вопросам репертуарной политики и практики целиком было посвящено интереснейшее выступление председателя Издательского совета Санкт-Петербургской епархии, настоятеля Петропавловского храма в Шуваловском парке игумена Силуана (Туманова). Докладчик напомнил об общей эволюции взглядов на звучащую с клироса музыку за два тысячелетия и критически отозвался о репертуарной эклектике, привносящей в богослужение ненужные эмоции вместо требуемого молитвенного настроения. «Преданы забвению принципы подбора репертуара в соответствии с историей и архитектурой конкретного храма, с склонностью прихожан, — считает отец Силуан. — А потом священникам на исповеди приходится расхлебывать то, что осталось в душах людей — обломки чувств и переживаний, о ко-

торых человек иногда даже и не подозревал. Вместо текста песнопения в памяти остаются эмоции, мелодия. Пришел в храм получить лекарство от страстности, но лишь укрепился в ней, пусть и в более тонких формах».

Каков же сегодня корректный подход к подбору клиросного репертуара с точки зрения церковного искусства? — спрашивает выступающий и приходит к выводу, что единственно верного ответа нет. В настоящее время нет единых представлений о том каким должно быть церковное искусство: что кажется верным одному, в штыки воспринимается другим, и наоборот. Народное приходское пение иногда может послужить выходом, но рассчитывать на него как на панацею не стоит. Тем не менее докладчик констатирует необходимость особого пастырского попечения о клиросе, а также, исходя из собственного опыта, делится со слушателями критериями верного подбора клиросного репертуара. Священник также обратил внимание на необходимость частого причащения регента и певчих, и важность наличия в хоре подлинной любви, позволяющей со смирением воспринимать недостатки друг друга и уважать коллег.

Это чувство, похоже, удалось верно отыскать в завершающий день съезда, 2 декабря, когда сводный хор из двух сотен голосов под управлением главного дирижера Синодального хора Алексея Пузакова пел в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя на патриаршем богослужении. Стоявшие на станках делегаты признались потом, что ощущали себя подлинными единомышленниками, общей семьей, все устремления в которой подчинены главной задаче. А если так — значит, не напрасно собирался съезд, и продолжение у него обязательно будет.

Фото Юлии Маковейчук

Вернуть церковному пению молитвенный дух

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ МИТРОПОЛИТА ВОЛОКОЛАМСКОГО ИЛАРИОНА НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ СЪЕЗДА

Чем церковное пение должно отличаться от светского? На мой взгляд, прежде всего своим молитвенным характером. Пение за богослужением должно отличаться особой духовной проникновенностью и быть максимально далеким от тех образцов концертной, светской музыки, которые до сих пор нередко исполняются в наших храмах. Пение за Литургией не должно отвлекать молящихся от духовного участия в Тайной вечере Господней, возобновлением которой является каждая Литургия, но, напротив, должно помогать верующему проникнуться духом богослужения, внутренне подготовиться к принятию Святых Христовых Таин. Кроме того, пение должно способствовать тому, чтобы понятными и доступными для ума и сердца верующего становились богослужебные тексты.

Для меня как священнослужителя никогда не было безразлично качество исполняемой в храме музыки. За тридцать лет предстояния Престолу Божию мне приходилось слышать разные хоровые коллективы — большие и маленькие, профессиональные и непрофессиональные, ориентирующиеся на обиходные напевы или на концертный репертуар. Лишь в редких случаях пение за богослужением можно было назвать удовлетворительным. Гораздо чаще пение скорее мешало молитве, чем ей способствовало, и для того, чтобы сосредоточиться на молитве, требовалось абстрагироваться от пения хора.

Многие песнопения исполняются хорами либо слишком громко, так что священнослужителю приходится перекрикивать хор, либо слишком быстро, так что священнослужитель не успевает прочитать положенные молитвы. Иной раз, наоборот, из-за слишком медленного пения богослужение искусственно затягивается. Бывает, что во время богослужения алтарь живет своей жизнью, а клирос своей; в алтаре происходит одно священнодействие, а на клиросе — совсем другое: скорее концерт, чем служба.

Для исполнения за одной церковной службой регент чаще всего подбирает песнопения, написанные разными авторами, в разные эпохи, в разном стиле. Это нередко создает диссонанс между внутренним стро-

ем богослужения как единого целого и теми пьесами, не имеющими между собой никакой внутренней связи, которые предлагаются слушателю в качестве музыкального сопровождения.

Более того, среди всего многообразия литургической музыки, написанной между концом XVIII и началом XX века, очень мало полных Литургий. Как правило, композиторы предпочитали сочинять отдельные номера, из которых церковные регенты затем составляли Литургии. Взвзвись за написание полной Литургии, Чайковский нарушил сложившуюся к его времени традицию. А ведь им двигало не что иное, как желание придать пению за Литургией цельность, избавить его от той «итальянщины», на которую жаловались его современники, желав-

шие возродить в русском церковном пении «первобытную старину».

Итальянские мастера, учениками и подражателями которых были многие русские церковные композиторы XIX века, ввели в церковное пение некоторые чуждые ему элементы, например чередование медленных и быстрых темпов, чередование форте и пиано. Эти принципы были заимствованы ими из инструментального концерта, но они никоим образом не вытекают ни из духа, ни из буквы Божественной литургии.

Так, например, если песнопение «Достойно и праведно есть» нередко звучит тихо и в медленном темпе, то «Свят, свят, свят Господь Саваоф» почти всегда исполняется громко и быстро. А между тем во время его исполнения священнослужитель в алтаре читает важнейшую часть евхаристической молитвы, подводящую к самому главному моменту Литургии — преложению хлеба и вина в Тело и Кровь Спасителя. Нередко священник, читающий эти молитвы вслух, не слышит себя самого, не слышат его и находящиеся рядом с ним сослужители. Поскольку композиторы XIX века не заботились о том, чтобы песнопение по длине соответствовало читаемым в алтаре текстам, чаще всего песнопение «Свят, свят, свят» оказывается гораздо более коротким, чем требовалось бы для неспешного чтения молитвы. В итоге священнослужитель читает молитву скороговоркой или, что еще хуже, лишь пробегает глазами текст молитвы по Служебнику, дабы не возникло паузы по окончании пения хора.

Другой пример — Херувимская песнь. Ее первая часть всегда исполняется медленно, зато вторая («Яко да царя всех подыдем») — громко и быстро. А что, собственно, случилось? Почему столь резко меняется настроение после Великого входа? Служба

еще не закончилась, наоборот, она подошла к главному моменту — Евхаристии. Ни чем иным, кроме как влиянием итальянского инструментального концерта, нельзя объяснить этот дикий обычай, на что многие из нас не обращают внимания, так как привыкли к нему: разбивать Херувимскую песнь на две части, из которых вторая в музыкальном отношении никоим образом не соответствует первой.

Эта традиция не вытекает ни из текста Херувимской песни, ни из внутренней логики совершаемого в этот момент Великого входа. Исполнение обеих частей Херувимской в одном темпе, напротив, позволяет верующему воспринять Великий вход как единое литургическое действие, не разрываемое искусственно на две половины.

Можно привести множество подобного рода примеров, за которыми кроется одна общая болезнь, свойственная большинству церковных композиторов XIX века (а ведь именно их наследие составляет основу репертуара большинства церковных хоров): несоответствие музыки содержанию богослужения.

Об этом несколько десятилетий назад говорил Патриарх Алексий I: «В настоящее время вместо небесной музыки, какая слышалась в древних строгих и величественных распевах, мы слышим мирское легкомысленное сочетание звуков. И, таким образом, пение в храмах наших, особенно городских, совершенно не соответствует той цели, которую оно должно преследовать, и храм из дома молитвы часто превращается в зал бесплатных концертов, привлекающих «публику», а не молящихся, которые поневоле должны терпеть это отвлекающее их от молитвы пение. Почти забыты древние трогательные церковные распева — знаменные, греческие, болгарские, киевские — даже в пе-

реложениях недавних хороших композиторов. В храме часто слышишь такую музыку, под которой уместно было бы подписать вовсе не те слова, которые поются, так как нет никакого соответствия между словами и музыкой. Такое пение не только не возбуждает молитвенного настроения, но вызывает возмущение у богомольцев и слушается с удовольствием только теми, кто стоит в храме как в театре и кто пришел сюда не молиться, а ласкать слух привычными светскими мелодиями».

Можно было бы привести много других высказываний о церковном пении выдающихся иерархов нашей Церкви, начиная со святителей Филарета Московского, Игнатия (Брянчанинова) и Феофана Затворника и кончая нашими современниками. Все они достаточно единодушно указывают на обозначенную болезнь нашего церковного пения — болезнь, повторю, не изжитую до сего дня.

Но одно дело — поставить диагноз, другое — найти способы лечения. Попробуем очертить пути, по которым, как мне кажется, можно было бы пойти, чтобы вернуть нашему церковному пению его исконный молитвенный дух.

Не скрою, идеалом и эталоном русского церковного пения является для меня унисонный знаменный распев. Мы призваны хвалить Бога «единым сердцем и едиными усты». Что это означает в переводе на язык музыки? Не что иное, как одногласное пение. Как можно хвалить Бога «едиными усты», если один поет одно, другой — другое?

Однако я хорошо понимаю, что массовый переход на знаменный распев в наше время невозможен и неуместен. Унисонное пение естественно для единоверческих приходов, для некоторых монастырских богослужений, для великопостных служб. Что же касается обычных приходов,

воскресных и праздничных богослужений, то на них возможно лишь частичное использование знаменного и других древних унисонных распевов. Как отмечал Святейший Патриарх Кирилл на Архиерейском Соборе 2013 года, недопустимо «придание знаменному распеву значения якобы единственного подлинно церковного певческого стиля». По словам Первоверхотнего, «лучшие образцы этого распева, несомненно, принадлежат к сокровищнице церковного искусства, однако Церковь знает и другие стили пения, прочно вошедшие в ее литургическую практику».

Одним из таких стилей является знаменный распев в гармонизации для четырехголосного хора. Конечно, мы должны понимать, что ни знаменный, ни другие древние распева не предназначались для гармонизации и что подставлять аккорды под унисонную мелодию — значит искусственно добавлять к ней то, в чем она совсем не нуждалась. Тем не менее,

на мой взгляд, гораздо лучше исполнить гармонизованную древнюю мелодию, чем концерт в итальянском стиле.

Основу нашего богослужения составляют обиходные песнопения восьми гласов. При сокращении богослужения не следует жертвовать этими песнопениями, несмотря на их кажущееся музыкальное однообразие. К сожалению, такое нередко наблюдается на наших приходах. Поспешно исполнив одну-две стихиры на гласовый напев, хор затем превращает «Ныне отпускаеши» в духовный концерт, на исполнение которого певчие не жалеют ни времени, ни сил.

Одна из проблем многих наших церковных хоров — нежелание обновлять репертуар. Из года в год, из года в год исполняются произведения одних и тех же авторов XIX века — так, будто ничего нового не появилось с тех пор в церковной музыкальной литературе. Между тем то беспрецедентное по своим масштабам возрождение

Церкви, которое началось в 1988 году, затронуло и сферу духовной музыки. За прошедшие годы появилась целая плеяда церковных композиторов, таких как митрополит Ионафан (Елецких), монахиня Иулиания (Денисова), Геннадий Лапаев, Владимир Файнер и многие другие. Их перу принадлежат замечательные сочинения, достойные того, чтобы занять место в репертуаре церковных хоров.

Нужно добиваться того, чтобы пение за богослужением соответствовало его содержанию. Это задача не только церковных регентов, но и священнослужителей. Последние должны требовать от первых, чтобы пение было молитвенным, а песнопения по длине соответствовали читаемым во время их исполнения молитвам. Живая связь алтаря и клироса, постоянный контакт священника с хором, внимание к репертуару хора, манера его исполнения — один из важных факторов оздоровления общей атмосферы богослужения.

